

МУЗЫКА ЛЕОНАРДО

К 525-летию со дня рождения Леонардо да Винчи

Дари искусства

вописных работ его сохранилось до наших дней. Немногие скульптуры. Бесчисленное множество рисунков. Закодированные чертежи: как герон современной фантастики, он менял какую-нибудь деталь в своей конструкции, словно бы затем, чтоб никто другой не мог ею воспользоваться.

Мучился ли он, настигавшей на чужбине смертью — вдали от Флоренции юности, от детского Винчи, «земли нв»?

Авторы жизнеописаний Леонардо — а их тысячи — поразному отвечают на сокровенные вопросы, и каждый прав. Эта биография меняется во временах и даях, легендарно соответствуя совсем будто, различным идеалам эпох, стран и народов. Разумеется, причина возможности разных ответов заключена в многогранности гения, в истинной многогранности — слово это мы часто ныне употребляем, но, только обратившись к Леонардо, можем осознать, что оно значит.

Однако попытаемся и мы — ведь таково право любого жителя Земли — высказать суждение о счастье и горести Леонардо, о его музыке.

Вспомним, что в античности называли музыкой все занятия, чувства, поступки человеческие, которым покровительствуют музы. И уж в их числе — пение, звучание кифары или флейты, звуки и голоса природы, шумы ветров, звон бокалов, ритмы танцевальных мелодий, шаги на каменных площадях городов. Эту вторую — в нынешнем почти значении — музыку Леонардо слышал всякий, бывавший во Флоренции. Слышала и я.

Шла с друзьями по двухэтажному мосту через Арно, соединяющему галереи Уффици и Питти, останавливалась около старинных домов с чугунными кольцами на фасадах для конной привязи. Кольцо медленно поворачивалось в петле и гулко ударяло в камень стены, будто спешил рядом легкий всадник. Блики от реющей воды скользили по бронзовым огромным бра, в которые ставили когда-то смоляные факелы в дни флорентинских празднеств — джостров и карнавалов... Камни Флоренции хранят эхо шагов того сонма великих граждан мира, что проходили здесь века назад. И если остановишься на минуту и вслушаешься в тишину, до тебя долетит припев веселой песенки, сочиненной Лоренцо Медичи, что был прозван Великолепным: «...Пой же, смейся! Счастлив будь, кто счастья хочет, и на завтра не надейся». Пела ту песенку вся флорентинская республика — ее ткачи и виноградари, ученые-гуманисты и монахи в черных сутанах, чудесным баритоном пел ее юноша-художник из мастерской Андреа Верроккио, тот, кто надеялся на завтра и никогда не был счастлив.

Прекрасен город, куда привез двенадцатилетнего своего сына нотариус Пьеро да Винчи. Теснота и тепло малого пространства от площади Синьории до Санта Спирито — место действия эпохи, впервые поименованной Возрождением в книге Вазари, — утверждают величие человека, которому не так уж много надо, чтобы стать центром мироздания. Несколько сотен шагов между домами Микеланджело и Макиавелли, несколько кварталов от Палаццо Веккио до Санта Мариа Новелла. Здесь бывал болонец Аристотель Фиорозенти, архитектор и инженер, что строил в средневековом Московском Крем-

ле Успенский собор. Здесь бродили Боккаччо и Данте. Здесь жили женщины, изображенные Леонардо в танцевенных холстах нашего Эрмитажа — «Мадонне Бенуа» и «Мадонне Литта».

Мы считаем, что они красавицы. А Леонардо любовался не чертами их, а духом и утверждал: «Не всегда хорошо то, что красиво. И это я говорю для... живописцев, которые... подобны тем, кто красивыми словами ничего не говорят». Мастер оставил художникам всех предстоящих поколений тонкий совет, о котором, к сожалению, часто ныне забывают: «Не делай мускулов резко очерченными, но пусть мягкие света неощутимо переходят в приятные и очаровательные тени; в этом —

Андреа ВЕРРОККИО. Портрет молодого Леонардо да Винчи.

условие прелести и красоты... Когда ты собираешься кого-либо портретировать, то рисуй его в дурную погоду, к вечеру, поставив портретируемого у одной из стен... Рисуй портретное произведение... когда облачно или туманно. Это — совершенный воздух». Есть смысл задуматься о поэтических советах Леонардо, будто искавшего лишь фон для своих моделей — темноватый, затем, чтоб ярче сияло человеческое лицо, чтоб обнажались его задумчивость, его внутренняя жизнь. Не случайно употреблял здесь «лицо» в единственном числе: разглядывая шестнадцатый столетний веками живописных работ Леонардо, обнаруживаешь сходство большинства его любимых героев: мужчин, женщин, детей. Тут словно бы одна идеальная семья, один и тот же варьированный в возрастах и временах образ, таинственное мерцание великого духа жизни и ее микрокосма — человека.

Все, что видел в Москве привезенную из Лувра «Джоконду», помнят минуты своей полной глухоты возле этого небольшого холста, минуты напряжения всего лучшего в себе самом. Легендарное поплотно экспонировалось в специально изготовленной витрине, был обдуман несильный и точный свет, в зале стояла неразлитая тишина. «Джоконда» была показана в Москве совершенно — с точки зрения современной музейной теории. Поднимаясь к ней, я вспоминала луврский зеленоватый зал, просторный, чуть затененный, где словно бы навек сохранилась излюбленная портретистом Леонардо «дурная погода». Жена флорентинского купца Франческо Джокондо мона Лиза была в том зале не одна. Ее окружали герои Тициана, веселые и лукавые

глаза его дочери Лавинии старались отвлечь твой взгляд на себя. В Лувре Джоконда была вместе с теми, кто мог ее видеть въезде на улицах Флоренции или в зеленоватоголубом тающем пейзаже Тосканы, где написал ее Леонардо. В Лувре перед тобою, казалось, текли дни, когда великий художник работал над этим портретом, и в мастерскую к нему приходили певцы, музыканты, шуты, которые должны были развлечь жену мессера Джокондо, разногласная компания остроумцев, «поддерживавших в ней, — как пишет Вазари, — веселость и удалявших меланхолию, которую обычно сообщает живопись выполняемым портретам».

А в Москве благодаря уникальной режиссуре Музея изобразительных искусств Джоконда казалась «марсианкой», представительницей неизвестного — должно быть, будущего, а не прошлого — человеческого племени, воплощением гармонии, о которой не устал и никогда не устанет мечтать мир.

Да, по-разному можно читать сегодня творчество и судьбу гения, вызывавшего у заказчиков гнев своею медлительностью, собиравшего упреки чуть ли не в лени и до конца дней не осуществившего на деле ни единственного из своих величайших проектов. Кто-то из биографов Леонардо да Винчи счел пифанской фразой, произнесенную мастером о миланском герцоге Лодовико Сфорца: «И не одно из его начинаний не оказалось законченным». В самом деле, Леонардо мог сказать это, думая о себе самом и пророчествуя себе самому, ощущая корыстное невежество, наступившее на бесребренческое просвещение, мучаясь горьким чувством уходящей жизни, одинокими недугами. Он говорил о миланском герцоге, по чьему повелению торопился закончить фреску «Тайная вечеря» в монастыре «Санта Мариа делле граше», фреску, краски и грунты которой он создал сам, но они не выдержали первого эксперимента. Леонардо говорил о Лодовико, а вспоминал обожженную стену флорентинского Палаццо Веккио, где расплавилась его «Битва под Ангарии», это великое проклятие гения бессмысленной жестокости войн. Однако горькая фраза — якобы о миланском правителе — имеет еще более широкий смысл: требование соответствия между идеей и ее воплощением.

А уж каких только идей не находят комментаторы и толкователи Леонардо в его рабочих тетрадях! Они написаны левой рукой. Уже сказано, что Леонардо писал и рисовал левой рукой, зеркально. Его записные книжки справедливо именуют кодексами: мастер кодировал мысль и давал ей силу закона. Левша — не от того ли левши все сказочные мастера в народных легендах? — говорит с нами через века своими круглыми странными буквами, требует от нас нравственного и интеллектуального усилия, чтобы войти в его поразительный универсализм.

Неужели вот этот золотоволосый мальчик, двенадцатилетний ученик Андреа Верроккио, проживет долгую жизнь гениального скитальца? Неужели это он будет плести из новых прутьев крылья, с которыми захочет взлететь с горы Лебедь возле Флоренции? Он — скупавший на базарах

Александра ПИСТУНОВА

запертых в клетках птиц и выпускавший их на волю? Он — открывший взаимодействие общающихся сосудов до Паскаля, разработавший идею автострады, проект системы шлюзов, по которым воды Арно соединят Флоренцию с морем? Это все он, называвший себя «человеком, чуждым учености», но определивший: «Познание — знание о существующих вещах или бывших в прошлом... Предвидение — есть познание вещей, которые могут появиться».

Вот какой счастливцев... Да и сколько можно рассказывать о нем еще, удивляясь, что все это не вымысел и не фантазия. К примеру, вспомнить, как он предложил передвинуть храм Сан-Джованни — работа такая поражает и нас, жителей двадцатого столетия. А в то время он уже много лет не спал ночами, питался только хлебом и фруктами, записывая тем же зеркальным почерком в ученых блокнотах: «В понедельник один флорин... для расходов по дому. Во вторник взял один сольдо для моих личных расходов. В среду вечером один флорин — Томмазо для ужина. В понедельник утром один флорин без десяти сольдо...». А рядом — рисунок конюшни с автоматической раздачей корма, шарикоподшипник, барабан, из которого можно извлечь трехзвучный аккорд... Дальше следует «экологическая» записка: «Вся земля, горы, реки, леса, моря составляют единое целое, в котором все друг друга питает, со всем взаимодействует, все взаимосвязывает, поддерживает, но в то же время и разрушает, обновляется». И снова — рисунок скачущей лошади, птиче крыло, набросок портрета Цецилии Галлерани, прозванной «дамой с горностаем».

Уж не о ней ли думал Леонардо, когда говорил: «Хороший художник должен уметь писать две главные вещи: человека и представление его души? Или это сказано о «Коломбине» из ленинградского Эрмитажа? Некоторые исследователи сче, а не луврский холст, называемый «Джокондой». Спорят, ищут доказательства. В тысячах ученых книг трактуют «коды его мыслей. Гигантски увеличивают и снимают на самой чувствительной пленке его выцветающие карты-рисунки. И все мы с нетерпением ждем следующего открытия в музыке Леонардо. Каждого следующего. Один юный друг мой точно заметил: мы просто надеемся, что если узнаем о нем что-то еще, узнаем нам пока неизвестное, то откроем наконец причину его гениальности, поймем, каким образом стал «титаном» золотокудрый ангел с холста Верроккио.

Мальчик Нардо, так звали его в Винчи, незаконнорожденный сын букбодца-нотариуса, считавший лучшим существованием на земле птиц и лошадей. Любимый всеми и одинокий, сгибавший стальные шпаты и рисовавший повешенных. Придумавший мост через Босфор и идеальный город, более прекрасный, чем у Корбузио и Нимейера. Певний баритоном песенку о счастье и заставлявший улыбаться мону Лизу. В одной из последних тетрадей этот счастливцев записал: «Мне казалось, что я учусь жить, но учился я умирать». Однако следом подытожил: «Хорошо прожитая жизнь — долгая жизнь».

Можно ли не согласиться с Леонардо?